

ОТЗЫВ

официального оппонента, о диссертационном исследовании Нагорной Елены Николаевны «Зоометафора в системе языка и в дискурсе чеховской прозы», представленном на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – русский язык.

Диссертация Елены Николаевны Нагорной посвящена комплексному анализу зоометафоры в дискурсе чеховской прозы на фоне функционирования этой части метафорической системы в русском языке в целом. **Актуальность и теоретическая значимость** предпринятого исследования обусловлены несколькими причинами. Во-первых, антропоцентризм современной лингвистической парадигмы порождает активизацию интереса к изучению метафоры, которая признается одним из основных номинативных, оценочных средств языка, непосредственно связанным с познавательной деятельностью человека и категоризацией действительности. Во-вторых, большинство современных исследователей отмечает, что метафорическая картина мира как часть языковой картины мира формируется на базе индивидуальных картин, среди которых особое место принадлежит мастерам слова, оказавшим непосредственное влияние на развитие русского языка в целом. Поэтому дискурсивный аспект анализа метафорической системы становится одним из наиболее востребованных в лингвистике начала XXI века. Вместе с тем именно в последние годы острыми становятся дискуссии вокруг онтологических признаков языковой и индивидуально-авторской метафор, их типологии и лингвокогнитивной, лингвокультурологической функции. Столь же спорными остаются многие вопросы, связанные с определением художественной картины мира, понятий идиолекта и идиостиля, роли метафоры в их репрезентации. Следовательно, комплексный и системный анализ процессов метафоризации лексических единиц в рамках единой тематико-семантической

группы способствует решению наиболее актуальных проблем современной русистики и лингвистики в целом.

Удачным в связи с этим представляется выбор **объекта и предмета** исследования – анималистические имена с переносным значением антропонимического характера в русском национальном языке и в прозе А.П. Чехова. С одной стороны, будучи универсальными и значимыми для любой этнической общности, данные переносы наглядно демонстрирует специфику русской метафорической системы как в лингвистическом, так и в когнитивном, культурологическом, прагматическом аспектах. С другой стороны, творчество А.П. Чехова, во многом новаторское по своей природе, отмечено безусловной оригинальностью в выборе образно-экспрессивных средств языка, но язык писателя отражает также многие общие закономерности развития русского национального языка и, в свою очередь, оказывает существенное влияние на его дальнейшее развитие.

Нельзя не отметить масштабность предпринятого исследования, поскольку автор ставит перед собой и в целом успешно решает такие задачи, как: (1) проанализировать и обобщить исторический опыт изучения метафоры и зоометафоры, выделить отмеченные в науке подходы к изучению процесса метафоризации в целом и зоометафоры как ее активной части, определив особенности процесса, наиболее актуальные для решения поставленных в данной работе задач; (2) исследовать системные связи анималистической метафоры, показав механизм ее порождения, основанный на признаках денотата и деривационных связях прямой номинации; (3) рассмотреть все виды парадигматических отношений зоометафоры, показать влияние синтагматических связей на семантику и коннотацию зоометафоры; (4) выделить доминирующие зоометафоры в прозе А.П. Чехова, определив их место в системе языковой зоометафоры; (5) определить назначение анималистических метафорических обращений в прозе А.П. Чехова, обозначив индивидуальный компонент в семантике; (6) показать вокативную функцию зоометафоры и

проанализировать языковые возможности использования приоритетных чеховских обращений в современном речевом этикете.

Сказанное свидетельствует о несомненной **актуальности** диссертации Е.Н. Нагорной, **научная новизна** которой состоит в том, что в ней впервые дан последовательный анализ антропонимической зоометафоры в прозе А.П. Чехова в нескольких аспектах – в системе семантико-деривационных, парадигматических и синтагматических отношений, с выявлением как общеязыковой, так и авторской части подобных переносов; установлена роль чеховских окказионализмов в отражении общих тенденций в развитии метафорической составляющей русской лексико-семантической системы в семантическом, прагматико-аксиологическом и когнитивно-культурологическом аспектах; выявлена семантико-коммуникативная функция вокативов – антропонимов анималистического происхождения в дискурсе прозы А.П. Чехова в их соотношении с общеязыковыми тенденциями в функционировании метафор этого типа.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что она позволяет уточнить некоторые положения теории метафоры в семантико-прагматическом аспекте, в формировании и функционировании художественного дискурса и языковой картины мира; установить базовые принципы антропонимической модели метафоризации анималистической лексики, выявить семантико-коммуникативный потенциал формирования переносов у зоонимов; возможность включения некоторых из них в формулы русского речевого этикета. Результаты исследования и предложенная методика анализа могут быть использованы для дальнейшего анализа метафорических подсистем русского языка как фрагментов языковой и художественной картин мира.

Исследование Е.Н. Нагорной имеет **практическую ценность**, поскольку его результаты и конкретный материал могут использоваться в курсах лексикологии и стилистики русского языка, культуры речи; при разработке спецкурсов по теории метафоры, по дискурсу прозы А.П. Чехова; на факуль-

тативных занятиях по лексике и текстологии в школе; при написании выпускных квалификационных и курсовых работ.

Диссертация Е.Н. Нагорной выполнена на обширном **материале**, обеспечивающем достоверность полученных результатов исследования и полученном в результате сплошной выборки из многожанровой прозы А.П. Чехова, частичной выборки из ее переводов на английский язык, других произведений русской классической литературы и публицистики. Эмпирической базой исследования послужили также данные толковых (общеязыковых, жаргонных, исторических), фразеологических и этимологических словарей русского языка.

Продуктивность анализа столь многочисленного и разнородного материала во многом обусловлена комплексной методикой исследования, опирающейся на достаточно продуманную методологию, теоретическую базу, что получает отражение в структуре всей диссертации и особенно в первой главе, посвященной теоретическим основам исследования зоометафоры. К бесспорным достоинствам данной главы следует отнести стремление Е.Н. Нагорной охватить наиболее актуальные проблемы изучения метафоры: проанализировать основные подходы к определению онтологической сущности метафоры в целом (в лингвистическом и когнитивно-культурологическом аспектах) и основные направления в исследовании зоометафоры; установить возможности сравнительно-сопоставительного анализа в исследовании зоометафоры, а также семантическую структуру зоометафоры и ее аксиологический потенциал. Автор демонстрирует умение критически осмыслить и выделить наиболее значимые для ее собственного анализа теоретические положения. Несомненно заслуживает одобрения то, для репрезентации достоверности данных положений Е.Н. Нагорная включает в текст главы и собственный материал (из произведений А.П. Чехова и других писателей XIX – XX вв.). Об основательной теоретической подготовке диссертанта свидетельствует солидный библиографический список – 227 наименований работ отечественных и зарубежных авторов и словарей.

Наиболее значимыми в теоретическом и практическом отношении нам представляются следующие результаты исследования.

Е.Н. Нагорная убедительно доказала, что одной из наиболее важных функций зоометафоры является пополнение экспрессивно-оценочной части русской лексико-семантической системы, в частности – антропонимической аксиологии; что именно этот тип переносов способствует формированию дифференцированной и многоаспектной семантико-когнитивной характеристики человека, а также его оценки в рамках определенной прагматической задачи и модальной установки субъекта речи; что чеховские зоонимы отражают важнейшую и наиболее выразительную часть аксиологии писателя, соответствуя уникальному стилю А.П. Чехова. Теоретически важным представляется вывод о том, что зоометафора служит своего рода «инструментом» исследования языковой картины мира А.П. Чехова и его языковой личности, а также их взаимодействия в рамках национальной картины мира.

Особый интерес представляет собственно семасиологическое и лингвокогнитивное исследование зоометафоры в языке и в прозе А.П. Чехова (семантико-деривационные, парадигматические, синтагматические связи; национально-культурный потенциал и принципы формирования антропонимической оценки). В частности, весьма показательным является вывод о том, что основным модулем сравнения в антропонимических зоометафорах становится система денотативно-когнитивных компонентов первичного значения зоонима, что прозе А.П. Чехова свойственно использование значительной части семантического потенциала зоонимов, закодированных и не закодированных в словарях. Важным для выявления специфики метафорики А.П. Чехова нам представляется вывод о том, что, с одной стороны, семантико-деривационная база окказиональных зоометафор достаточно четко мотивирована и опирается на те системные отношения, что присущи анималистической лексике в языке; с другой стороны – такого рода переносные значения расширяют и углубляют наши представления о сигнификативных и денотативных компонентах самих производящих имен.

Наконец, нельзя не отметить теоретическую и практическую ценность анализа использования зоометафоры в вокативной функции. Е.Н. Нагорная убедительно доказывает, что переносы этого типа в целом являются продуктивной базой для формирования вокативной части русского речевого этикета, что приоритетные вокативы в многожанровой прозе А.П. Чехова имеют языковые основания для заполнения этикетных речевых лакун, детерминированных особенностями социального фона развития лексического состава в конце XIX – начале XX в., одновременно отражая перспективы их дальнейшего развития в русском языке в целом.

Самостоятельную ценность имеет приложение диссертации, которое представляет собой сводную таблицу «Анималистическая аксиология человека» и включает данные о семантической структуре зоонимов по материалам этимологических, исторических, диалектных и современных толковых словарей. Фактически это многоаспектный словарь русских зоонимов.

В целом работу Е.Н. Нагорной отличает достаточная тщательность, даже скрупулезность в анализе конкретных лингвистических фактов, стремление выявить всю систему часто противоречивых семантико-деривационных, когнитивных и прагматических компонентов, влияющих на формирование и функционирование зоометафор. Не менее ценным представляется то, что такие комментарии, как правило, включаются в общую систему обоснования выводов, к которым приходит автор в результате исследования языкового материала. Диссертация написана хорошим литературным языком и тщательно выверена.

Структура диссертации соответствует названию и цели работы, подчинена логике решения поставленных задач и отражает специфику языкового материала: введение; теоретическая глава; две практические главы с анализом зоометафор в лексической системе языка и в дискурсе чеховской прозы; заключение с теоретическим обобщением результатов исследования; библиографический список использованных словарей и литературы; приложения «Анималистическая аксиология человека».

Основное содержание работы с достаточной степенью полноты отражено в 18 публикациях, включая 4 статьи в журналах, рекомендованных ВАК РФ, и монографию. Общий объем опубликованных работ составляет 14,7 п.л. **Апробация результатов исследования** проводилась в виде докладов на многочисленных научно-практических конференциях, в том числе международных.

Вместе с тем, как всякое самостоятельное исследование, посвященное актуальным теоретически вопросам, данное диссертационное сочинение не свободно от ряда **дискуссионных моментов и недочетов**.

1) Не совсем корректной, как нам кажется, выглядит формулировка цели исследования (изучение «наиболее активной зоны анималистической лексики, для которой характерен особый динамизм развития как в системе языка, так и в дискурсе чеховской прозы»; с. 6) в ее соотношении с темой диссертации, поскольку в названии темы, объекта и предмета исследования прямо указано на анализ зоометафоры, тогда как при определении цели объектом становится анималистическая лексика в целом.

2) Основные положения подчас кажутся излишне общими и малоинформативными. На наш взгляд, их можно и нужно было бы конкретизировать, тем более что текст диссертации, особенно выводы к главам и параграфам позволяет сделать это. Кроме того, некоторые формулировки основных положений вызывают дискуссионные вопросы и могут быть частично оспорены. В частности, первое основное положение: «Русская зоометафора, отражая национальную самобытность, является фрагментом языковой картины мира» (с. 6). Во-первых, такое утверждение в принципе может быть отнесено к большинству метафорических подсистем (антропоморфная / флористическая / военная метафора и т.п.). Во-вторых, та часть зоометафоры, которая рассматривалась Е.Н. Нагорной, не формирует единой концептуальной модели метафоризации, поэтому вряд ли может быть охарактеризована как единый «фрагмент» русской языковой картины мира. В-третьих, некоторые из анализируемых зоометафор можно отнести к разряду универсальных, другие

представляют собой семантические кальки, формируемые, например, под влиянием античной и западноевропейской басенной и поэтической традиции, воспринятой и русской культурой. Поэтому вывод об исключительной «национальной самобытности» зоометафор кажется излишне категоричным. Если же автор настаивает на таком утверждении, то такой вывод должен быть подкреплен хоть какими-то статистическими выкладками, а их в работе нет. Излишне категоричным кажется также утверждение автора о том, что в своей прозе А.П. Чехов использует «в стилистических целях весь семантический потенциал зоонимов, закодированный и не закодированный в словарях» (с.7). Один человек, даже самый гениальный, вряд ли может использовать «весь семантический потенциал» той или иной части лексико-семантической системы, тем более если речь идет о художественном дискурсе.

3) Как отмечалось, диссертации Е.Н. Нагорной в целом присуще такое положительное качество, как стремление систематизировать разнообразные аспекты анализа зоометафор и их функционирования в конкретном тексте. Однако не совсем понятно, почему автор отказался от каких-либо статистических выкладок. Например, в работе не указано, сколько же зоонимов подвергалось анализу (как в системе языка, так и в прозе А.П. Чехова). Автор часто оперирует понятиями «многообразие»; «чаще», «реже» и т.п., но никаких количественных показателей обычно не приводится. Это относится практически ко всем аспектам анализа (зоонимы как источник метафоризации; основные семантико-аксиологические группировки, в состав которых включаются зоометафоры и др.). В работе преобладает иллюстративный принцип анализа материала, причем, как отмечалось, автор проводит такой анализ очень подробно, весьма тонко и достаточно точно, но без статистических характеристик выводы кажутся несколько излишне общими и не столь убедительными, как могли бы быть.

4) На наш взгляд, Е.Н. Нагорная не всегда четко противопоставляет энциклопедическую информацию, национально-культурные стереотипы, индивидуальные, ситуативные ассоциации и лексические значения, связанные с

тем или иным наименованием представителя животного мира (ср., например, характеристику метафорических переносов у лексем *бегемот*, *медведь*, *кана-рейка*; с. 77-81). Как пример подобного неразграничения можно привести такую фразу: «*Бабочка* – экзотичное насекомое, яркое, легкое, живущее в параллельном с человеком мире» (с. 75). В энциклопедическом плане бабочки вовсе не экзотичны, а их расцветки не всегда яркие. Лексическое значение (см. словарные статьи) тоже не соответствует такому определению. Характеристику же «живущее в параллельном с человеком мире» вряд ли можно отнести и к национально-культурным стереотипам. Если же речь идет о древнем славянском поверье, что души предков («баб») после смерти вселялись в этих насекомых, то в «параллельном» мире живут все же предки, а не эти животные.

5) Вызывает сомнения целый ряд конкретных комментариев к лингвистическим характеристикам некоторых зоонимов, их семантической структуре и принципам метафоризации, к функционированию таких зоометафор в речи и в тексте. Приведем некоторые примеры. Неубедительным представляется следующий комментарий к мотивации одного из метафорических значений у зоонима *акула*: «возможно, наличие огромной пасти у рыбы содержит некоторую эмоционально-квантитативную ассоциацию с хвастуном» (с. 56). Вряд ли как «антонимичные оценочные зоонимы», создающие «оксюморонный рисунок в характеристике, обнаруживающей сложные отношения говорящего лица к собеседнику» (с. 93), можно рассматривать такой контекст: – *Ну, ну, голубчик...* – сказал художник и поцеловал его в шею. – *Не капризничай... Гри-Гри, будь товарищем! Вместе пришли, вместе и уйдем. Какой ты скот, право. – Я могу подождать вас на улице. Ей-богу, мне здесь противно!* (А.П. Чехов, Припадок). Субстантив *голубчик* в современном русском языке уже практически утратил связь с зоонимом *голубь*, а его экспрессивно-прагматическая характеристика связана с социально-обусловленной вокативной функцией, которая становится базовой для этого субстантива, тогда как негативная экспрессия зоонима *скотина* напрямую связана с процессом ме-

тафоризации. Нельзя согласиться с тем, что в следующих примерах речь идет об именительном темы и представления: *«Подлец! Мерзавец! – думала она. – Животное! Он смеет... смеет! Не может понять моего ужасного, обидного положения! Ну, подожди же... чёрт!»* (А.П. Чехов, Месть женщины); *Гадина! Мерзость! Оказывается, что он все эти двенадцать дней выслеживал брата Сережу, который растратил чьи-то деньги и скрылся; Сегодня он написал на воротах: «Я свободен и могу». Скотина... Показала ему язык* (А.П. Чехов, Из дневника одной девицы). Во всех этих случаях мы имеем дело с образными метафорами, которые выполняют характеризующую функцию и являются предикативами.

б) Несколько вопросов вызывает библиографический список, в котором мы не обнаружили ряд словарей и исследований, принципиально значимых для избранной темы; в частности: (1) Русское культурное пространство: Русский лингвокультурологический словарь. Вып. 1 / И.С. Брилева, Н.Р. Вольская, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, В.В. Красных. М., 2004, содержащий очень характеристику зооморфных образов; (2) Частотный грамматико-семантический словарь языка художественных произведений А. П. Чехова» / Под общ. ред. А.А. Поликарпова. – М., 2012 (электронный ресурс: <http://www.philol.msu.ru/~lex/chehov.html>); (3) «Электронный корпус художественных произведений А.П.Чехова», базирующийся на «Полном собрании сочинений и писем» А.П. Чехова (в 30 т., М.: Наука, 1974–1983) (электронный ресурс: <http://www.philol.msu.ru/~lex/chehov.html>); (4) Словарь синонимов языка А.П. Чехова: в 2 т. /Под ред. Н.В Мелькумянц. Т. 1: А - Н. Таганрог, 2011; (5) Степанов А.Д. Проблемы коммуникации у Чехова. М., 2005. Если А.Н. Нагорная не использовала этих работ по каким-либо принципиальным соображениям, то это следовало оговорить в тексте диссертации.

Высказанные вопросы и замечания в основном имеют дискуссионный и частный характер, но, к сожалению, несколько снижают общее впечатление о работе. Однако в целом рецензируемая диссертация, безусловно, заслуживает положительной оценки, поскольку это законченное самостоятельное исследо-

вание, которое обладает внутренним единством, содержит новые научные результаты и положения, выдвигаемые автором для публичной защиты, и свидетельствует о личном вкладе автора в разработку актуальных проблем современной русистики и теоретической лингвистики, соответствует требованиям, предъявляемым к работам, претендующим на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – русский язык. Автореферат и опубликованные труды адекватно и полно отражают содержание диссертации и научные положения, выносимые на защиту.

Итак, диссертация Е.Н. Нагорной представляет собой научно-квалификационную работу, которая соответствует критериям, установленным «Положением о присуждении ученых степеней», утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842.

Доктор филологических наук, профессор
ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского», профессор кафедры
теории, истории языка и прикладной
лингвистики

Любовь Викторовна Балашова

410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83,
тел. +7 (8452) 21-06-24,
e-mail: sarteorlingv@yandex.ru.

